

УДК 101.1

© *В.В. Грибунин, А.А. Тесля, 2010*

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.Н. СТРАХОВА 1860-Х – 1870-Х ГОДОВ И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО

Грибунин В.В. – ст. преп. кафедры «Философии и культурологии» (ТОГУ)
Тесля А.А. – к.ф.н., доц. кафедры «Философии и культурологии» (ТОГУ),
тел. 22-43-94, e-mail: atesla@mail.ru

Отношение Н.Н. Стрхова к славянофильству претерпело существенное изменение в 1860-х – 70-х годах: от дистанцирования до принятия. Определение Стрховым сущности славянофильства существенно отличается от свойственного московскому славянофильскому кружку; Стрхов различает практическое и теоретическое славянофильство. Московское славянофильство, по мнению Стрхова, есть одна из конкретно-исторических форм славянофильства как такового.

The ratio of N. Strakhov to Slavophilism has undergone significant change in the 1860 - 70 years: from distancing to adoption. The definition of the entity Slavophilism differs significantly from the characteristic of the Moscow's Slavophilism; Strakhov makes distinguish between practical and theoretical Slavophilism. Slavophilism's movement of Moscow, according to Strakhov, is one of the concrete historical forms of Slavophilism as such.

Ключевые слова: Н.Н. Стрхов, славянофильство, журналистика 1860-х, почвенничество.

К взглядам Н.Н. Стрхова (1828 – 1896) наблюдается существенное повышение исследовательского интереса; в последние несколько лет были переизданы его основные философские [1] и публицистические работы [2; 3], появились монографические исследования его философских взглядов [4]. Тем не менее, долгое игнорирование (или, в лучшем случае, неполное и периферийное рассмотрение) как данного мыслителя, так и всего консервативного направления мысли, к которому он принадлежал, обусловило современное положение исследований, когда многие даже из наиболее существенных вопросов остаются слабо или недостаточно изученными. Еще В.В. Розанов, публикуя и комментируя адресованные к нему письма Стрхова, отмечал удивительное положение, при котором целый пласт русских публицистов, философов, литературных критиков оказался фактически изъят из истории русской мысли [5]. Эта судьба ожидала тех, кто не вписывался в прямолинейную схему – не попадал в общее течение «интеллигентской» мысли и в то же время не поддавался однозначной квалификации «реакционера», чьи

взгляды не могли быть вписаны в упрощающе-объясняющую схему противостояния.

Относительная известность пришла к Страхову уже в конце его жизни, когда он выступил (после смерти И.С. Аксакова) основным оппонентом в полемике с Вл.С. Соловьевым по «национальному вопросу» [см. 7, гл. VI – VII]. Данная полемика закрепила за ним репутацию «славянофила» [8], которую принимал и поддерживал и сам Страхов. Как бы, однако, не оценивать взгляды Страхова 80-х – 90-х гг. XIX в., правомерно, на наш взгляд, остановиться на двух вопросах: во-первых, каково было отношение Страхова к славянофильству в предшествующие периоды его творчества и, во-вторых, как он сам понимал сущность славянофильства.

Журналистская деятельность Страхова началась в 1859 г. [9, с. 3], однако первые обратившие на себя внимание публицистические выступления приходятся на 1861 г., когда Страхов начинает публиковаться в журнале М.М. Достоевского «Время» (под псевдонимом Н. Косица). Взгляды Страхова того времени, как и воззрения Ф.М. Достоевского, привлечшего молодого автора в качестве постоянного сотрудника [10, с. IX – X], отличались неопределенностью. Редакция старалась занять некоторое положение «над» всеми основными журнальными лагерями того времени, претендуя на критическое обозрение существующих направлений. Одновременная критичность к другим изданиям и направлениям, им соответствовавшим, и попытка «примирительной» позиции, исключала возможность сформулировать ясную и жесткую линию в публицистике. Статьи Страхова периода издания «Времени» (1861 – 1863) [см. 10, с. 1 – 270] направлены преимущественно против радикальной журналистики в лице «Современника» и «Русского Слова», а отчасти против выступавшего в тот момент в качестве представителя «русского либерализма и европеизма» «Русского Вестника».

Некоторое изменение позиции Страхова можно отметить в его статьях, печатавшихся в «Эпохе» (1864 – 1865), где он вел регулярный обзор журнальной периодики в рубрике «Заметки летописца» [см. 10, с. 343 – 596]. Польское восстание 1863 г. стало рубежом в истории русской общественной мысли; несколько лет спустя оценивая происшедшие перемены, Страхов писал: «Говоря литературными формулами, все мы до 1862 года были более или менее западниками, а после этого года все более или менее стали славянофилами» [11, с. 59]. Действительно, увлечение славянофильскими идеями доходит до того, что Страхов в 1864 г. в июне публикует статью под заголовком «Славянофилы победили», где провозглашает полное торжество взглядов Аксаковского «Дня» [10, с. 439 – 450], а в августе почти целиком перепечатывает две передовых статьи из «Дня», посвященные оценке правительственных преобразований в Царстве Польском, сопровождая их комментариями панегирического свойства [10, с. 484 – 500].

Со временем, однако, безусловное принятие взглядов славянофилов (изначально ограниченное политическими вопросами) проходит. В немногих публикациях 1865 – 1869 гг., появившихся в чуждых Страхову изданиях

(напр., в «Отечественных записках», где была помещена рецензия на «Дым» Тургенева), проявляется стремление говорить о славянофильстве, подчеркивая скорее настроение, некий фон мысли, чем акцентируя интеллектуальное своеобразие учения.

Возможность изложить свои оформившиеся взгляды Страхов получил в 1869 г., когда в Петербурге начал издаваться В. Кашпиревым журнал «Заря». Журнал с самого начала позиционировался как «славянофильский» и в таком качестве был принят и остатками московского славянофильского кружка. 29 – 31 января 1869 г. Страхов писал Ф.М. Достоевскому: «Московские славянофилы благосклонны к “Заре”. Аксаков сделал экстраординарные визиты – мне и [Г.К.] Градовскому...» [12, с. 751, прим. 6]. В новом журнале Страхов занял положение ведущего критика и публициста, во многом определяя лицо издания; здесь были напечатаны его наиболее значительные статьи: критический разбор «Войны и мира», заложивший основы канонического восприятия этого роман, «Вздых на гробе Карамзина» (небольшой литературный шедевр, совместивший силу полемического выступления против позитивистской историографии А.Н. Пыпина с художественным изображением биографии Карамзина и его влияния на русскую литературу), серия статей, посвященная «России и Европе» Н.Я. Данилевского. Благодаря Страхову книга Данилевского была опубликована в виде серии статей «Заре», а затем смогла выйти и отдельным изданием.

Полемика вокруг «России и Европы» стала наиболее удобным поводом для Страхова сформулировать свои взгляды на славянофильство. Как уже отмечалось, Страхов никогда не принадлежал к славянофильству в строгом смысле слова – даже в 1864 г., в период наибольшей близости к взглядам московского славянофильского кружка, он сохранял известную дистанцию. Расхождение стало явным с 1869 г., в тот самый момент, когда Страхов прямо провозгласил себя славянофилом. В первой посвященной книге Данилевского статье, Страхов формулирует свое понимание славянофильства: «Что такое славянофилы? Это люди, стоящие за самобытное развитие русского народа, признающие в этом народе своеобразные духовные силы, видящие в его истории постепенное проявление этих духовных сил и желающие впредь наилучшего их раскрытия» [13, с. 145]. Иными словами, Страхов сводит содержание славянофильства до минимума, растворяя его, фактически, в общих положениях немецкой романтической философии конца XVIII – 1-й трети XIX века [см. 14, 301 – 321].

Славянофильство, в понимании Страхова, есть учение о национальном своеобразии – следовательно, московское славянофильство 40-х – 60-х годов, может пониматься только как конкретно-историческая, частная форма славянофильства. Тем самым, как уже в 1867 г. формулировал Страхов, московское славянофильство страдает односторонностью – оно верно стремится к национальному своеобразию, но понимает его исключительно узко и, в силу этого, не видит его в современной действительности, только ожидая и надеясь, только уповая на будущее возрождение народных, национальных начал

[см.: 15]. Определяющее влияние на подобное направление развития взглядов Страхова на народность оказал, по его собственному признанию, Ап. Григорьев [9; 15]. В предисловии к изданному его усилиями первому тому собрания сочинений Григорьева (1876), Страхов так формулировал расхождение со славянофилами: «они обыкновенно приходили к тому, что за немногими исключениями, отрицали самостоятельность и, следовательно, народность наших художественных писателей. Таким образом, от глаз этих мыслителей ускользнуло именно то, что должно бы их всего более радовать: они не видели, что борьба своего с чужим уже давно началась, что искусство, в силу своей всегдашней чуткости и прозорливости, предупредило отвлеченную мысль» [13, с. 356]. Славянофилы фактически подтверждали взгляды западников, противостоя им – если последние понимали русскую литературу как обличение русской действительности и готовы были считать достойным в художественном плане только то, что служило их идее, то «славянофилы со своей стороны подтверждали эти притязания тем самым, что отрекались от новой литературы и признавали ее деятелей лишь в виде исключения, иногда делавшегося очень неудачно. Это неясное, но во всяком случае враждебное отношение необходимо должно было усиливать притязания западников на господство их идей в нашей изящной словесности» [13, с. 39 – 40]. Напротив, для Страхова, как и для Григорьева, существующая русская литература служила выражением не только силы народности, но и ее живого и сильного движения – та самая народность, которую пытались высмотреть славянофилы в русском прошлом или в неясных намеках в русском простонародье, ярко и полнозвучно заявляла себя в художественном творчестве. В 1873 г. Страхов писал: «Зачатки для [...] печальной будущности уже есть и теперь; но по счастью есть также явные зачатки и нашей умственной самобытности, не позволяющие предаваться отчаянию. История русской литературы представляет в этом отношении наиболее отрадное зрелище и если мы способны чему-нибудь учиться у наших великих писателей, то мы можем найти у них величайший урок: они показывают и доказывают нам, что значит и какую имеет силу вера в русскую жизнь и свободное отношение к Европе» [13, с. 86].

Подобное изменение взгляда существенно расширяло идейный диапазон Страхова – если для славянофилов в узком смысле слова весь «петербургский период» русской истории оказывался отречением от начал народности, то с точки зрения Страхова этот период изнутри прорастал теми же самыми началами народности. Изначальное, московское славянофильство представлялось ему скорее движением, порывом, чем ясной мыслью. Противопоставляя московских славянофилов Данилевскому, Страхов в 1871 г. писал: «если [...] прежние славянофилы верно поняли не только интересы, но и самый дух своего народа, то Данилевский есть именно тот писатель, который представил наиболее строгую теорию этих стремлений, который нашел для них общие и высшие начала, начала новые, до него никем не указанные» [13, с. 162]. Страхов парадоксальным образом оборачивает идею «общества», выдвинутую в начале 1860-х И.С. Аксаковым – то самое общество, которое, по мысли

Аксакова, должно было стать органом самосознания, самопонимания русской народности, действительно стало таковым – породив труд Данилевского и, тем самым, возведя неопределенные надежды и чаяния славянофилов до уровня понимания (подобно тому, как одновременно те самые образы народного духа, которых ожидали славянофилы, явились в творчестве Толстого, не замеченного и не понятного славянофилами, равно как ранее ими же был недооценен Пушкин).

Единство со старым славянофильством, по взглядам Страхова начала 70-х годов, заключается в практических выводах. Более того, в практическом смысле славянофилами оказываются и те, которые теоретически придерживаются взглядов едва ли не противоположных: «как мы видели на множестве примеров, сердечная проницательность заставляет многих говорить и действовать даже вопреки своему образу мыслей, вопреки самым ясным началам, ими исповедуемым» [13, с. 162]. Более того, «есть случаи, когда вся Россия, можно сказать, обращается в славянофилов» [13, с. 162]. Напротив, в теоретическом плане свои и Данилевского взгляды Страхов называет славянофильскими только весьма условно: «Когда мы, несмотря на то, называем учение “России и Европы” славянофильством, то мы разумеем здесь славянство в отвлеченном, общем, идеальном смысле; *собственно говоря, это вовсе не славянофильство* [выд. нами – Авт.], а особое учение Данилевского, так сказать “данилевщина”» [13, с. 161]. В дальнейшем Страхов предпочтет не формулировать расхождение столь явным образом, ведь логика однозначно принуждала умозаключить, что взгляды Страхова, собственно, не являются славянофильством, если под последним понимать какую-либо теоретическую позицию. Прежнее славянофильство, по его пониманию, выступает только предпосылкой, условием формирования новой доктрины. Страхов сравнивает учение Данилевского с гегелевской философией, завершающей «собой шеллингизм и фихтеизм» [13, с. 161]; «данилевщина включает в себя славянофильство, а не наоборот» [13, с. 161].

Подводя итоги, отметим:

- во-первых, отношение Страхова к славянофильству существенно менялось на протяжении 60-х – 70-х годов. Если для первых лет 60-х годов характерно дистанцирование, то на 1864 – 1865 годы приходится полное публичное присоединение к московским славянофилам (в лице газеты «День») как политическому направлению;

- во-вторых, с конца 60-х годов регулярно определяя себя в качестве славянофила, Страхов стремится наполнить понятие «славянофильства» минимальным содержанием, сводя его к признанию в народе «своеобразных духовных сил» и стремлению к наилучшему раскрытию последних;

- в-третьих, понимание «народности» Страховым складывается под определяющим влиянием Ап. Григорьева (что проявляется, в частности, в понимании художественной литературы как места раскрытия своеобразного духовного содержания русской народности); учение Данилевского принимается Страховым в качестве теоретического выражения славянофильства, по-

нимаемого максимально расширительно. Данному пониманию способствует явно второстепенное значение, придаваемое Страховым православию – для взглядов философа характерно акцентирование религиозности вне явной конфессиональной характеристики [16]. Славянофильство в широком смысле фактически уравнивается Страховым с российским национализмом романтического типа как таковым, что способствует расширительному пониманию термина, сделавшемуся устойчивым к концу XIX века [см.: 8].

Список литературы:

1. Страхов, Н.Н. Мир как целое / Сост., пред. и коммент. Н. Ильин. – М.: Айрис-Пресс, Айрис-Дидактика, 2007. – 576 с.
2. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом / Н.Н. Страхов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 576 с.
3. Страхов, Н.Н. Литературная критика / Сост., пред. и коммент. Н.Н. Скатов. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. – 464 с.
4. Н. Н. Страхов в диалогах с современниками: Философия как культура понимания / Сост. и ред. С. Климовой. – СПб.: Алетейя, 2010. – 208 с.
5. Розанов, В.В. Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма / Подготовка текста, послесл., именной указатель Г.Р. Евграфов. – М.: Аграф, 2000. – 368 с.
6. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 2001. – 477 с.
7. Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3 / Н.Н. Страхов. – СПб.: Типография бр. Пателеевых, 1896. – VIII+384 с.
8. Милуков, П.Н. Разложение славянофильства (Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев) / П.Н. Милуков // Милуков, П.Н. Очерки истории исторической науки / П.Н. Милуков; Отв. ред., сост. и автор предисл. М.Г. Вандалковская; Ин-т российской истории. – М.: Наука, 2002. – С. 413 – 445.
9. Страхов, Н.Н. Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве / Н.Н. Страхов // Эпоха. 1864. № 9. – С. 1 – 50 (3-я пагинация).
10. Страхов, Н.Н. Из истории литературного нигилизма 1861 – 1865. Письма Н. Кошицы. – Заметки Летописца и пр. / Н.Н. Страхов. – СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1890. – XII+596 с.
11. Страхов, Н.Н. Критические статьи. Т. 1: Об И.С. Тургенев и Л.Н. Толстом (1862 – 1885). Изд. 5-е. / Издание И.П. Матченко. – Киев: Типография И.И. Чоколова, 1908. – XV + 387 с.
12. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. Т. 15: Письма 1834 – 1881 / Гл. ред. Г.М. Фридендер. – М.: Наука, 1996. – 862 с.
13. Страхов, Н.Н. Критические статьи. (1861 – 1894) Т. 2. / Издание И.П. Матченко. – Киев: Типография И.И. Чоколова, 1902. – II + 434 с.
14. Чижевский, Д.И. Гегель в России / Д.И. Чижевский. – СПб.: Наука, 2007. – 411 с.
15. [Страхов, Н.Н.] Бедность нашей литературы. Критический очерк Н. Страхова. – СПб.: б/и, 1868. – 73 с.
16. Тарасов, А.Б. Н.Н. Страхов в поисках идеала: между литературой и реальностью / А.Б. Тарасов // [<http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/12/Tarasov/>].